

Ю. Д. Балащенко

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ХУДОЖНИКА И. Е. РЕПИНА

В первой четверти XX века произошли события, перевернувшие ход человеческой истории. В результате Первой мировой войны ушли в небытие Австро-Венгерская, Германская, Российская и Турецкая империи. Знаменитый русский художник Илья Ефимович Репин (1844–1930) на протяжении своей долгой жизни стал свидетелем нескольких войн и трех революций, произошедших в России в 1905 г., феврале и октябре 1917 г., и в конечном итоге приведших к крушению Великой империи. Репин, став очевидцем судьбоносных событий тех лет, отразил в своем творчестве многие из них. Причем нужно отметить, что талантливые картины художника, связанные с революционной тематикой, оказывали на зрителя большое воздействие, исподволь подтачивая государственные устои империи.

В СССР И. Е. Репин считался «великим пролетарским художником», и даже «И. В. Сталин назвал Репина в числе лучших представителей великой русской нации»¹. Основанием для такого утверждения служили его картины на темы народной жизни и революционных движений в обществе. Советские искусствоведы считали, что своими работами Илья Ефимович разоблачал существовавший в царской России режим. Основными в ряду его обличительных полотен называли «Бурлаков на Волге» (1873) и «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1903). При этом советские исследователи как-то «забывали», что картина «Бурлаки» была написана по заказу Великого Князя Владимира Александровича, который в 1873 г. приобрел ее у художника за 3 тысячи рублей. А «Заседание Государственного Совета», было выполнено по заказу российского правительства.

Искусствоведы СССР называли «Бурлаков» «художественным “приговором” современному Репину общественному строю с его варварской

эксплуатацией народа»². Они считали, что картина «Бурлаки», составившая славу художнику, была одной «из первых, в которой изображался пролетарский труд»³.

В то же время необходимо отметить, что еще в 1873 г. друг И. Е. Репина критик В. В. Стасов по поводу «Бурлаков» написал, «что подобной, глубоко потрясающей картины из народной жизни еще не видели...»⁴. Кажется странным, но из приведенных цитат видно, что оценки шедевра Репина дореволюционным критиком Стасовым и советскими искусствоведами практически не отличаются.

Один из первых исследователей жизни и творчества Репина российский и советский художник, реставратор, искусствовед И. Э. Грабарь справедливо отметил, что «гораздо больше, чем в России, оценили картину за границей...»⁵. До 1917 г. картина «Бурлаки на Волге» экспонировалась на семи художественных выставках России и Европы. Успех репинского полотна на Западе был, вероятно, предопределен тем, что превосходно написанные Репиным типажи бурлаков, одетых в живописные лохмотья, вполне соответствовали европейскому пониманию России. «Цивилизованные» европейцы считали, что на картине показана рабская сущность русского народа. Надо отметить, что даже сейчас, когда Россия стала открытой демократической страной, в западной «желтой» прессе время от времени появляются сюжеты о «дремучих» русских и «медведях», разгуливающих по улицам российских городов.

В своих воспоминаниях «Далекое близкое» Репин подробно описал, как и где он разыскивал подходящие персонажи для своей будущей картины, при этом необходимо учесть, что труд бурлаков физически был очень тяжел, но он хорошо оплачивался. Это были сильные и выносливые люди. Бурлаки же, которых мастерски изобразил Илья Ефимович, не то что не могли тянуть огромную баржу, а вряд ли смогли бы стронуть ее с места. При внимательном взгляде на картину, создается впечатление, что лямки, в которые впряжены эти несчастные, забытые работой и жизнью люди, только их и держат в вертикальном положении. Иначе они рухнули бы на песок и вряд ли бы снова смогли встать.

Выйдя из среды военных поселян города Чугуева, И. Е. Репин в своем творчестве конца XX века весьма сочувственно относился к ниспровергателям существующего режима. Об этом свидетельствует ряд его картин и зарисовок, таких как «Казнь Каракозова» (1866), «Под жандармским конвоем» (1876), «Арест пропагандиста» (1878–1892), «Не ждали» (1883–1884), «Перед исповедью» (1879–1885). Эти полотна, так же как и деятельность изображенных на них персонажей, расшатывали основы государства. Подтверждением тому служат слова друга И. Е. Репина, скульптора И. Я. Гинцбурга. В своих воспоминаниях он писал, что «...косвенно и он

[Репин. — *Авт.*] участвовал в том движении, которое привело к великой революции...»⁶.

События Первой русской революции 1905 года особо Репина не коснулись. Но, тем не менее, художник не остался равнодушным к тому, что происходило в стране. На «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. в Петербурге последовала быстрая реакция Репина. Уже 11 января художник отправил письмо врачу и коллекционеру А. П. Ланговому. В нем он писал, что «невозможно, чтобы европейски образованный человек искренно стоял за нелепое, потерявшее всякий смысл в нашей сложной жизни самодержавие — этот допотопный способ правления годится только еще для диких племен, неспособных к культуре»⁷. Тем самым живописец выразил свое резко отрицательное отношение к существовавшему режиму в России. И эта позиция И. Е. Репина не изменилась и в последующие годы. Прославленный живописец «до конца жизни, — как писала профессор Колумбийского университета Элизабет Валкениер, — оставался противником русской монархии и самодержавия. Именно это не позволило художнику безоговорочно и во всем осуждать советскую власть...»⁸. Об этом же свидетельствовал и ученик И. Е. Репина, Исаак Бродский, когда писал в своих воспоминаниях, что «политические взгляды [Репина] всегда были оппозиционны царскому правительству»⁹.

Подтверждение негативного отношения к правителям империи можно обнаружить и в послереволюционной переписке И. Е. Репина. 28 июня 1923 г. Илья Ефимович писал бывшему золотопромышленнику и меценату В. И. Базилювскому: «До чего дошли! Безграмотный сверхъестественный мужик [Распутин] уже правил самодержавно Россией и держал в своей пятерне всю, до очевидности выжившую из ума, императорскую комедию»¹⁰. Те же мысли содержит и послание художника поэту К. И. Чуковскому от 24 марта 1925 г. «А. А. [Император Александр III. — *Авт.*] — осел, — писал Репин, — во всю натуру. Все яснее и яснее становится подготовленная ими самими для себя русская катастрофа... Конечно, безграмотный мужлан *Распутин* был их гений, он и составил достойный финал им всем — завершилось... — ведь, сколько их предупреждали»¹¹.

Отношение художника к Григорию Ефимовичу Распутину было типичным в среде просвещенной столичной публики. Хотя фигура Распутина была явно неоднозначна, и это признавалось даже в те годы. Но только в настоящее время, когда прошло более ста лет после его злодейского убийства, началась некоторая переоценка роли и значения Распутина в истории предреволюционной России. Однако надо заметить, что неприятие монархии не мешало И. Е. Репину писать заказные портреты, как высшей российской знати, так и российских самодержцев.

В октябре 1905 г. Репин сделал зарисовки манифестации, проходившей по Невскому проспекту Петербурга. Но только через восемь лет в 1913 г. большое красочное полотно «17 октября 1905 года» было представлено живописцем на 41-й Передвижной выставке. Начав работать над картиной в 1907 г., Илья Ефимович дописал ее только в 1911 г. На ней, правда, несколько в гротескном виде Репин изобразил практически все те группы людей, которые участвовали в событиях 1905 г. По своему виду и содержанию это полотно резко отличается от полотен, связанных с революционной тематикой, которые были написаны художником ранее. Первоначально картина была запрещена цензурой, вероятно, власти не увидели в ней того, что прекрасно понял русский философ В. В. Розанов, написав ей хвалебную статью в журнале «Новое время»¹². Практически во всех других печатных изданиях рецензии на произведение Репина были отрицательными. Исследователь П. Ю. Климов, анализируя картину Репина и статью Розанова, писал, что «читая сегодня эту удивительно эмоциональную статью перед картиной Репина, долгие годы скрытой в музейном запаснике, начинаешь понимать именно историческую ценность этого произведения художника... Он попытался... создать живой, обобщающий образ громадного социального явления. Это “портрет” первой русской революции, написанный Репиным и “расшифрованный” Розановым, говорит о ней современному зрителю, пожалуй, не меньше иных увесистых томов»¹³.

Начало Первой мировой войны в 1914 г. ничем особо не поколебало размеренную жизнь Репина. Однако Февральскую революцию 1917 г. живописец, как и многие другие представители интеллигенции, встретил с восторгом. Эти люди искренне верили, что падение монархии приведет к всеобщему благоденствию и процветанию. У них и в мыслях не было, что их ожидает менее чем через год, когда крушение Российской империи полностью изменит страну и перевернет судьбы многих людей. В начале марта 1917 г. Илья Ефимович написал своему ученику Антону Михайловичу Комашке, который в те дни отправлялся военным корреспондентом на фронт: — «Да здравствует Русская Демократическая Республика!»¹⁴. 18 марта того же года Репин, воодушевленный революционными событиями, происходившими на его глазах, присутствовал на заседании Совета рабочих депутатов в Таврическом дворце. Там он сделал ряд набросков, запечатлевших участников заседания.

Своим праздничным настроением И. Е. Репин поделился с соседкой по имению в Куоккале, А. Л. Стаценко, 29 марта 1917 г.: «...при мысли, что в России республика, — отмечал живописец, — готов скакать от радости. Да — республика. Об этом я даже мечтать не смел, и теперь еще боюсь — не сон ли это!..» — и далее — «Слава! Слава! Прав Достоевский:

русский народ удивил весь мир и внес новое в жизнь!.. Дай Бог быть достойными и удержать, что добыто народом»¹⁵.

Восторг Ильи Ефимовича по поводу Февральской революции явно не распространялся на «большевиков» и на их лидера В. И. Ленина, приехавшего в Петроград в апреле 1917 г. «А Ленин-то каков фрукт! — писал Репин 22 апреля Чуковскому. — Вот церемонятся с явным мерзавцем и глупцом»¹⁶. Здесь необходимо отметить, что Репин, обозвав Владимира Ильича «глупцом», погрешил против истины. Незаурядные умственные способности Ленина признавали как друзья и соратники, так и враги «вождя мирового пролетариата». Но это отношение к руководителю Октябрьской революции и будущему главе государства не изменилось у Репина и в дальнейшем. «Ленин был по своей натуре, — писал Илья Ефимович 10 июля 1926 г. Виктору Ивановичу Базилевскому, — по своей деятельности, самый большой государственный преступник!»¹⁷.

В то же время Репин искренне восхищался главой временного правительства России Александром Федоровичем Керенским, что нашло отражение в письме от 20 июля 1917 г. к начинающему скульптору М. П. Оленину, где Репин отмечал: «...Керенский. Какая сложная, гениальная натура! Вот — человек родился Наполеоном; какой талант, какая энергия! И до чего он всегда неожиданно оригинален; а вообще прост и добр, как отмеченный Божиим перстом»¹⁸.

Летом 1917 г. обстановка в Петрограде накалилась до такой степени, что в городе повсеместно возникали стычки между противоборствующими сторонами революционеров и полицией. В это сложное время, а именно в конце июля—начале августа, между Ильей Ефимовичем и художником Василием Семеновичем Сварогом возникла интереснейшая переписка по поводу покупки и реставрации портрета Юрия Ильича Репина. Превосходное изображение сына Ильи Ефимовича было написано Сварогом в «Пенатах» в 1915 г. На нем Юрий Репин изображен с мольбертом и кистями в руках. Кажется, что он на какой-то момент приостановил работу и внимательно смотрит на зрителя. Полотно, высоко оцененное Репиным, пострадало от пуль во время летней уличной перестрелки, произошедшей рядом с мастерской художника. Сейчас этот портрет украшает мемориальную экспозицию Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

Этим же летом 1917 г. издательство «Свободная Россия» обратилось к Репину с просьбой написать портрет А. Ф. Керенского. Художник ответил согласием, тем более что лидер новой России ему, несомненно, нравился. Об этом Репин недвусмысленно написал в пространным письме от 15 августа¹⁹. Оно, как установила старейший сотрудник Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Е. В. Кириллина, было направленно

в адрес Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской²⁰, которую называли «бабушкой русской революции». В письме, находящимся в архиве Академии художеств, Репин писал, что «неожиданно я попал в кабинет Керенского во время заседания Генералитета, собравшегося по экстренному прибытию ген[ерала] Корнилова. Здесь я сподобился видеть и Савенкова, и красавца Терещенко²¹ и ещё несколько лиц, освещавшихся солнцем Керенского»²². Это событие произошло 2 августа 1917 г. и, как следует из текста письма, И. Е. Репин во время заседания в Зимнем дворце сумел сделать ряд зарисовок наиболее колоритных личностей, присутствовавших на собрании, в том числе и Е. К. Брешко-Брешковской. К сожалению, альбом с этими набросками пропал и не обнаружен до сих пор.

Осенью 1917 г. И. И. Бродский по просьбе И. Е. Репина получил согласие Керенского позировать. Сеанс, как писал Исаак Израилевич, «проходил за месяц до Октябрьского восстания [и] Керенскому было уже не до нас»²³. Он состоялся в бывшей библиотеке Николая II в Зимнем дворце, где находился кабинет Главы Временного Правительства. Фотография работающих художников была опубликована в журнале «Огонек». Позже Репин и Бродский по своим этюдам написали портреты Керенского, причем Илья Ефимович написал два портрета. Один из них он подарил в 1926 г. Музею Революции СССР²⁴, а другой попал на современный антикварный рынок России.

Современному зрителю достаточно поверхностного взгляда на портреты А. Ф. Керенского кисти И. И. Бродского и И. Е. Репина, чтобы увидеть огромную разницу между ними. Как очень правильно подметил один современный любитель живописи и знаток русской истории: «Портрет, написанный Бродским, это чрезвычайно профессионально выполненный официальный образ Главы Временного Правительства. Художник отнесся к своему персонажу чисто формально. В то же время на репинском портрете видна вся подноготная этого “великого временщика” и приходит осознание того, что с таким “вождем” Россию ничего хорошего не ждет». Можно только поражаться глубине таланта живописца, выразившего на полотне слабость и «никчемность» амбициозного политика, в то время как в письмах той поры он восхищался Керенским. Но надо отдать должное чести И. Е. Репина, чье последующее прозрение произошло значительно позже и нашло подтверждение в воспоминаниях П. Е. Безруких²⁵. Он познакомился с художником весной 1926 г., выполняя поручение журнала «Жизнь искусства». «Ах, как жаль, — привел слова Репина Павел Ефимович, — что я писал этого прохвоста и болтуна Керенского... Этот мелкий жулик, обманщик затуманил голову своей болтовней, напутал, навертел и убежал, поджав хвост»²⁶.

К концу 1917 г. восторги Репина по поводу революции явно поуба-вились. Свидетельством тому стала картина «Быдло империализма» — вариант «Бурлаков на Волге» в новых исторических условиях. Несмотря на то, что полотно не было дописано, Репин представил его на 46 выставке Передвижников, которая открылась в Петрограде в залах Общества поощрения художеств в декабре 1917 г.

Илья Ефимович, объясняя необычное название картины, писал, что «быдло — слово польское, оно разумеет оскотинившегося раба... глубоко развращенное существо: постоянно соприкасаясь с полицией, оно усваивает его способности хищничать по-волчьи, подхалимствовать, но быстро приходит к расправе над своими господами, если они ослабеют»²⁷. В этих словах художника как-то не чувствуется былого восхищения бурлаками. Скорее, в них предчувствие того, что последует, когда такие вот «бурлаки» придут к власти.

Несмотря на напряженную обстановку 1917 г. в Петрограде, И. Е. Репин продолжал плодотворно работать. Начиная с лета, он много времени уделял написанию портрета английского посла в России, сэра Дж. Бьюкенена, в его квартире у Марсова поля. Заслуживает внимания, характеристика данная художником послу Великобритании: «Сэр Джордж Бьюкенен — умный англичанин (ведь они — наша надежда в будущем; недаром такое чувство: эти люди выведут нас из наших трущоб, куды мы по макушку забрались по нашей дикости)»²⁸. В этих строках, обращенных Репиным упомянутому выше скульптору Оленину, сказались, с одной стороны, упования интеллигенции на помощь России, которую окажет Запад и в частности Англия, а с другой — полное непонимание того, что Западу сильная и образованная Россия абсолютно не нужна.

В январе 1923 г., вспоминая о тех днях, Репин писал художнику П. И. Нерадовскому, что «заканчивать портрет пришлось осенью... время становилось все беспокойнее. Напр[имер] вчера я удостоился завтракать у Бьюкенена вместе с нашими молодыми министрами — Терещенко и Третьяковым, а сегодня они уже арестованы и сидят в крепости...»²⁹. В этом письме Репина нашли отражение уже реалии Октябрьской революции.

Чрезвычайно интересное определение революции содержит послание Репина «ответ анониму» в 1918 г. В нем он писал, что «...революция есть пропасть, через которую необходимо только перейти к республике»³⁰.

Неоднозначное отношение художника к событиям 1917 г. ярко проявилось в письме Репина к Чуковскому. В нем отсутствует начало, поэтому датировка его весьма приблизительная: 1920–1922 гг. «...Вы знаете, — писал Репин, — ни за кем я не признаю права разбоя и грабежа чужого, а след[овательно] никакая *революция* мне не может внушить по-

чтения, но и в темных движениях бывают светлые проблески, так и в нашей революции: *отделение церкви от государства, свободу религиозной совести и равенство перед законом — священные и почтенные принципы.* Но не верьте, что это было дано в *серьоз ...*»³¹.

31 декабря (по н. стилю) 1917 г. Совнарком РСФСР признал независимость Финляндии. Репин, покинув революционный Петроград, 3 апреля 1918 г. вернулся в «Пенаты». А уже 14 апреля граница между Советской Россией и Финляндией была закрыта. Российская империя развалилась, а на ее просторах запылала Гражданская война. Репин очень вовремя переехал в свое имение, став при этом вынужденным эмигрантом. Он потерял все свои сбережения, которые были национализированы в Советской России, но остался жив и мог продолжать относительно спокойно работать, так как боевые действия не затронули усадьбу. В Финляндии, в отличие от остальной России, гражданская война быстро закончилась. А в 1920 г. к Репину пришло признание со стороны финского правительства. Он был награжден высшим знаком отличия страны «Орденом Белой Розы».

Здесь необходимо отметить, что много интереснейших подробностей жизни И. Е. Репина в независимой Финляндии и его суждений о происходивших событиях и людях, начиная с 1918 г. и до его кончины, содержит переписка живописца с В. И. Базилевским и К. И. Чуковским.

Надо заметить, что И. Е. Репин не замкнулся в своем имении, а вел полноценную жизнь, продолжая не только творить, но и быть в курсе всего того, что происходило в стране и в мире. В этой связи представляет интерес оценка Репиным русских эмигрантов из Советской России в Финляндии, данная им 29 июня 1920 г. в послании к Базилевскому. Из нее следует, что пожилой художник был весьма наблюдателен и прекрасно осознавал сложившуюся в стране ситуацию и откровенно о ней писал: «...русские, несмотря на свою многочисленность и прохвостанную ими на весь мир силу, все больше скотеют: из кровожадных волков перекрашиваются в баранов и нищенствуют по всему миру...»³².

Заключительным аккордом практически полного разочарования Репина в революции и революционерах, вероятно, служит картина «Большевик», известная еще и под другим названием — «Революционный солдат Троцкого отбирает хлеб у ребенка». На полотне художник изобразил тех, в кого, возможно, превратились бурлаки, запечатленные на картине «Быдло империализма».

Негативное отношение И. Е. Репина к переменам, произошедшим на просторах бывшей Российской империи, нашло отражение в письме 1920 г. к богослову Г. С. Петрову: «Я все еще не забываю Вашего образного выражения: из прорвавшейся плотины несутся старые брошенные

резиновые калоши и прочая дрянь»³³. Здесь Репин, в иносказательной форме, использовав слова Петрова, дал великолепную оценку событиям конца 1917–1918 гг. Этому способствовало и наблюдения самого Репина, видевшего окружающую разруху в бывшем процветающем дачном поселке в окрестностях Санкт-Петербурга. «Куоккала вся в развале, — писал Репин в Петроград своей старшей дочери Вере, — стекла выбиты, заборчики развалены, мостики провалились, многие домики проданы на слом — увезены»³⁴. В то же время в послании к В. И. Базилевскому Илья Ефимович был гораздо более откровенен, когда 29 октября 1920 г. написал: «Что делать — во власти бунтующих рабов, — можно ли гадать о каких-то человеческих традициях, жизнях. Грабежи, разбои, казни, голод и мор — вот что нам дали обманщики...»³⁵.

И не следует удивляться тому, что еще за несколько лет до визита советских художников в «Пенаты» в 1926 г., когда они уговаривали Репина переселиться в СССР, умудренный жизненным опытом живописец, написал Чуковскому 18 января 1922 г., что «может ли меня тянуть в Россию?! России нет»³⁶. Практически эти же мысли Илья Ефимович высказал Базилевскому 30 апреля 1922 г., написав, что «Чуковский и нек[оторые] другие приглашают меня переехать в Петроград и сулят всякие блага... Но надо быть набитым дураком, чтобы верить этим нищим грабителям...»³⁷.

Еще более мрачная картина предстает из другого письма Репина к Чуковскому. «О, какая тоска видеть теперь Куоккала и Оллила, — писал Илья Ефимович 19 июля 1923 г., — остаются только фундаменты от снесенных дач: частоколы растасканы, фруктовые деревья сломаны, торчат только трубы, еще не разобранные — их разберут. Пустота, выморочность. Коровы пасутся на дорогах и по канаве; лошади — редкость, издадека разве, проездом»³⁸.

В это же время в мировоззрении Репина произошли значительные изменения, касающиеся всех сторон жизни художника. Если раньше до Октябрьской революции он относился к церкви достаточно негативно, то теперь он «увидел церковь — великая сила для народа; она только может собрать и опять восстановить Россию», — признался Илья Ефимович в письме к Базилевскому 12 марта 1920 г.³⁹ В очередном послании к Виктору Ивановичу от 8 декабря 1921 г. Репин высказал надежду на будущие перемены, связав их с помощью Святителя Николая: «Третьего дня мы праздновали Николая Чудотворца по новому стилю. Ох, молятся ему православные, горят жаркие — дорогие свечи, даже верится, что сей излюбленный Угодник поможет нам — больше некому»⁴⁰. При этом надо помнить, что тема, связанная с Николаем Чудотворцем, особо почитаемым святым в России, была Репину близко знакома. В 1888 г. он написал

великолепное полотно «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных», причем оно существует в трех вариантах. Первый был приобретен Императором Александром III в 1889 г., а два других были написаны живописцем в 1890 г.

Но надо отметить, что упования Репина на помощь и заступничество Николая Угодника не оправдались. 14 мая 1922 года художник написал Базилевскому: «К самой Пасхальной Субботе Вера вернулась из ада, и мы вместе были [у] Светлой заутрени. ... выздоровление России, ... едва ли скоро наступит ... что если России суждено прожить под этим игом еще около 200 лет?»⁴¹. После приезда Веры Ильиничны из Советской России к отцу в «Пенаты» и ее бесконечных рассказов об ужасах, которые Илья Ефимович сравнивает с «Дантовым адом», творившихся в «государстве рабочих и крестьян», пессимистический прогноз Репина на будущее возрождение России вполне оправдан.

Вместе с тем, вполне размеренная жизнь в «Пенатах» продолжалась, несмотря на все жизненные невзгоды. По средам, как в былые спокойные времена, когда Куоккала была многолюдным дачным поселком в окрестностях столицы Империи, у Репина собирались гости, конечно, публика была не та, что посещала гостеприимный дом художника раньше. Тем не менее, постоянно велись дискуссии и читались разнообразные лекции. В том числе и совершенно экзотические, о чем художник сообщил 25 мая 1921 г. Базилевскому: «Мы тут немножко причастились буддийской мудрости: *йоги* и *карма* — такие премудрые понятия, нельзя не пожелать им успеха и распространения»⁴².

В то же время И. Е. Репин продолжал интенсивно работать. Он, отказавшись от современных тем, обратился к сюжетам из Евангелия, посвященных жизни и смерти Христа. Кроме того, он писал портреты окружавших его людей, таких же как он — русских вынужденных эмигрантов. Пожалуй, единственным исключением стал портрет академика И. П. Павлова, который летом приезжал из СССР на дачу в Келломяки (Комарово). Об этой своей работе Репин 16 августа 1925 г. сообщил Базилевскому: «Недалеко от нас живет Иван Петрович Павлов — знаменитый ученый-физиолог. Я затеял с него портрет»⁴³.

Еще одним примером изменившегося мировоззрения Репина может служить рассказ о посещении «Пенатов» супружеской парой из СССР. Он был записан другом художника, К. И. Чуковским. В нем говорилось, что к Репину явились «ленинградский доктор Штернберг и его молодая жена. Оба любители живописи и друзья художников... Смотрю я на этого Штернберга... морда у него — вот — комиссарская, хотя держится он очень симпатично — и спрашиваю: Разве Вы художник? Нет, говорит, я не художник, я доктор. Это меня разъярило»⁴⁴. Из приведенной ко-

роткой зарисовки следует, что престарелый художник не особо жаловал визитеров из страны рабочих и крестьян, особенно если те появлялись у него без приглашения и с неизвестными целями. Этот же эпизод нашел отражение и в воспоминаниях Ильи Яковлевича Гинцбурга, который посетил Репина в 1925 г.⁴⁵

Заслуживают внимания размышления И. Е. Репина о состоянии искусства, высказанные им 2 ноября 1925 г. в очередном послании к Базилевскому: «...теперь с делами искусства вообще плоше да плоше, — писал Илья Ефимович. — Во-первых, только наивный чудака может приобретать сию драгоценность — не сегодня-завтра запылает *«всемирный пожар»!* Потом — самые полезнейшие деятели культуры — *«буржуи»* — обобранны разной бесполезной и очень вредной сволочью. ... Ведь и истинных любителей и ценителей искусства все меньше и меньше становится»⁴⁶. Примерно эти же мысли художник повторил в письме 10 июля 1926 г., написав, что «Кому теперь надо искусство, если наши мерзавцы только и думают *«о всемирном пожаре»!* На пожаре только *грабить* можно. Вот гражданская доблесть!!! Неужели найдутся простаки, которые дадут им взаимы?! При этом они откровенно говорят, что *они не заплатят*. Только бешенные собаки могут конкурировать с ними в добродетели. Еще претендуют на название *культурных* людей!.. Какое понижение всех достижений культуры!»⁴⁷. Причем следует заметить, что это письмо было написано Репиным уже после визита советской делегации художников, пытавшихся уговорить Илью Ефимовича переехать в СССР.

В этой связи интересна оценка жизни и творчества Репина после Октября советским писателем Иваном Евдокимовым, который спустя десять лет после смерти художника написал, что «он не разглядел, что поднялся на ноги тот самый трудовой, любимый, уважаемый народ, во славу которого Репин работал сорок пять лет. Народ репинских “Бурлаков”, “Не ждали”, “Проводов новобранца”, “Ареста пропагандиста”, “Отказа от исповеди”...»⁴⁸.

Но, если судить по переписке И. Е. Репина с бывшим богатейшим человеком в Российской империи, золотопромышленником и меценатом В. И. Базилевским, жившим в Эстонии, то престарелый живописец прекрасно разбирался во всех хитросплетениях современной ему жизни. Тем более, если вспомнить то, что Репин не только читал газеты и журналы, издаваемые русскими эмигрантами в Прибалтике и Европе, но и постоянно слушал передачи Ленинградского радио через детекторный радиоприемник, о чем он сообщал Базилевскому. «Я все радиом развлекаюсь, — писал Репин 14 июня 1927 г., — много, много интересного»⁴⁹. Вера Ильинична Репина не раз делала зарисовки отца в наушниках, слушающим радио.

В заключение можно привести слова К. И. Чуковского: «Мнения Репина о разных людях, вещах и событиях порой очень круто менялись, но, каковы бы они ни были, он вкладывал в них всю свою искренность»⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илья Ефимович Репин. Сборник статей. М., 1952. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Моргунов Н. С. И. Е. Репин. М., 1924. С. 5–6.

⁴ Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1952. С. 239.

⁵ Грабарь И. Э. Репин. Журнально-газетное обозрение. М., 1933. С. 66.

⁶ Гинцбург И. Я. «Первый» русский художник // Воспоминания о художнике. М., 2019. С. 212.

⁷ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 164.

⁸ Валкениер Э. Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма // Материалы международной научной конференции ГТГ. М., 215. С. 324.

⁹ Бродский И. И. Мой творческий путь. М.—Л., 1940. С. 79.

¹⁰ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. Миръ. СПб.; М., 2012. С. 140.

¹¹ Репин И. Е. Избранные письма. 1867–1930. Т. 2. М., 1969. С. 356.

¹² Розанов В. В. О картине И. Е. Репина «17 октября 1905» // Новое время. 1913, 12 марта.

¹³ Климов П. Ю. Великий «щупальщик» существа человечества // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 115.

¹⁴ Комашка А. М. Три года с Репиным // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.—Л., 1949. С. 299.

¹⁵ Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л., 1969. С. 256.

¹⁶ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. М., 2006. С. 122.

¹⁷ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 205.

¹⁸ Тимофеев Л. В. Теперь я совсем на Вашей стороне // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 173.

¹⁹ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее: НБА РАХ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–2. Репин И. Е.

²⁰ Брешко-Брешковская (урожденная Вериги) Екатерина Константиновна (1844–1934) — профессиональная революционерка. Была одним из основателей и лидеров Партии Социалистов-Революционеров (эсеров). Поддерживала Временное правительство и А. Ф. Керенского, который называл ее «Бабушкой русской революции». К Октябрьской революции отнеслась враждебно. Эмигрировала из России в конце 1918 г. Умерла в Чехословакии, на похоронах присутствовал Керенский.

²¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный российский предприниматель, землевладелец и банкир. Во Временном правительстве занимал посты министра финансов (с марта по май) и министра иностранных дел (с мая

по октябрь) 1917 года. Был арестован большевиками в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость. Весной 1918 г., после освобождения, эмигрировал в Финляндию, оттуда в Норвегию, затем жил во Франции и Англии.

²² НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1–2. *Репин И. Е.*

²³ *Бродский И. И.* Мой творческий путь. М. — Л., 1940. С. 79. С. 80.

²⁴ Портрет Керенского был подарен Репиным летом 1926 г., когда в «Пенаты» приезжала делегация советских художников во главе с И. И. Бродским. Задачей делегации было склонить Репина к переезду из Финляндии в СССР.

²⁵ Безруких Павел Ефимович (1892–1952) — советский государственный служащий, журналист и дипломат. Часто посещал Финляндию по делам Октябрьской железной дороги.

²⁶ *Безруких П. Е.* Очарованный мастер // Репин. Воспоминания о художнике. М., 2019. С. 30.

²⁷ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 324.

²⁸ *Тимофеев Л. В.* Теперь я совсем на Вашей стороне. Неизвестные письма И. Е. Репина // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 173.

²⁹ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 123–124.

³⁰ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 324.

³¹ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 154.

³² Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 41.

³³ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 328.

³⁴ Там же. С. 326.

³⁵ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 52.

³⁶ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 144.

³⁷ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 115.

³⁸ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 340.

³⁹ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 179 (Письмо И. Е. Репина от 16 августа 1925 г.).

⁴⁴ *Чуковский К. И.* Илья Репин. Воспоминания. М.—Л., 1936. С. 94.

⁴⁵ *Гинцбург И. Я.* Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964. С. 120.

⁴⁶ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 205.

⁴⁸ *Евдокимов И.* Репин. М., 1940. С. 281.

⁴⁹ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 223.

⁵⁰ *Чуковский К. И.* Илья Репин. М., 1969. С. 14.

ЛИТЕРАТУРА

Аржакова Л. М., Барышников В. Н., Бодров А. В., Возгрин В. Е., Борисенко В. Н., Василик В. В., Гончарова Т. Н., Заостовцев Б. П., Кибинь А. С., Сидоренко Л. В., Смолин А. В., Пленков О. Ю., Филюшкин А. И., Шагинян А. К., Шершинева С. В. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 728 с.

Балащенко Ю. Д. И. Е. Репин и творческое сообщество независимой Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/. С. 20–30.

Балащенко Ю. Д. Как и почему И. И. Бродский уговаривал И. Е. Репина переехать из Финляндии в СССР // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/1/. С. 46–53.

Бородина Т. П. И. Е. Репин в финский период 1918–1930-х гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010, № 11. С. 49–60.

Бородина Т. П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011, № 12. С. 33–45.

Бродский И. И. Мой творческий путь. М.—Л.: Искусство, 1940. 131 с.

Гинцбург И. Я. Воспоминания. Статьи. Письма. Л.: Художник РСФСР, 1964. 280 с.

Грабарь И. Э. Репин. М.: Журнально-газетное обозрение, 1933. 264 с.

Евдокимов И. В. Репин. М.: Сов. писатель, 1940. 324 с.

Илья Ефимович Репин — Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. Мирь. М.; СПб.: РГАЛИ, 2012. 384 с.

Климов П. Ю. Великий «щупальщик» существа человечества // Илья Ефимович Репин. СПб.: Русский музей, 1995. С. 111–116.

Комашка А. М. Три года с Репиным // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 283–30.

Моргунов Н. С. И. Е. Репин. М.: Гос. изд-во, 1924. 126 с.

Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л.: Художник РСФСР, 1969. 436 с.

Репин И. Е. — Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.

Репин И. Е. Избранные письма. 1867–1930. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 464 с.

Репин И. Е. Сборник докладов и материалов. М.: Академия художеств СССР, 1952. 134 с.

Репин И. Е. Письма художникам и художественным деятелям. М.: Искусство, 1952. 408 с.

Репин. Воспоминания о художнике. М.: Гелиос АРВ, 2019. 416 с.

Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Искусство, 1952. 680 с.

Тимофеев Л. В. Теперь я совсем на Вашей стороне. Неизвестные письма И. Е. Репин // Илья Ефимович Репин. СПб.: Русский музей, 1995. 170–176 с.

Чуковский К. И. Илья Репин. Воспоминания. М.—Л.: Искусство, 1936. 104 с.

Чуковский К. И. Илья Репин. М.: Искусство, 1969. 142 с.